

На правах рукописи

Юша Жанна Монгеевна

Обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика

Специальность 10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ
2005

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Одной из важнейших задач сибиреведения является комплексное изучение обрядовой культуры в рамках междисциплинарного подхода – фольклористики и этнографии. Диссертация посвящена исследованию основных обрядов и обрядовой поэзии тувинцев, ее структуры и семантики.

В духовной жизни сибирских народов, в том числе у тувинцев, сохраняются веками устоявшиеся обряды. Определяющую роль в их проведении играет словесное оформление, часто имеющее поэтическую форму. Обрядовая поэзия, складываясь и отшлифовываясь в течение многих столетий, донесла до нас бесценные свидетельства народного мировосприятия, взгляды предков на природу и попытки воздействовать на нее силой слова. Она является составляющей традиционной культуры, одной из этнических характеристик, сохранившейся до наших дней и бытующей наряду с явлениями современной цивилизации.

Несмотря на это, обрядовый фольклор мало изучен в силу сложившихся в советское время идеологических установок, связанных с религией и традиционными верованиями, вследствие сложности самого обрядового комплекса, а также в связи с архаическими проявлениями в обрядах, трудно поддающимися пониманию. Все это и обусловило малоисследованность обрядовой поэзии, с чем ныне столкнулись фольклористы. Многие в ней остаются не выясненным и спорным, требующим дополнительного изучения.

В тувинской фольклористике приоритетным направлением до нынешнего времени остается изучение эпических жанров. Обрядовая же поэзия становилась объектом изучения в немногих этнографических работах, главным образом в контексте рассматриваемых авторами проблем. Между тем обрядовый фольклор тувинцев представляет собой сложный и

многогранный комплекс, включающий в себя слово, музыку и действие. Однако в тувинской фольклористике еще не разработана теоретическая база изучения обрядовой поэзии, не выявлена взаимосвязь фольклора и обряда. В отечественной фольклористике нет ни одной специальной работы, посвященной обрядовому фольклору тувинцев. Также незначительно и число опубликованных текстов обрядовой поэзии.

Изучение обрядов и обрядовой поэзии тувинцев как уникального архаичного пласта народной культуры позволяет приблизиться к пониманию всей системы традиционного фольклора, проследить мифологические истоки верований и культов. Разработки по обрядовой культуре могут в дальнейшем послужить также сохранению исторической памяти народа, его духовных ценностей и национальных традиций.

Все вышесказанное объясняет тот факт, что научное осмысление, изучение и анализ произведений обрядовой поэзии выдвигается в ряд наиболее актуальных проблем тувинской фольклористики.

Цель и задачи исследования. Основной целью исследования является изучение основных обрядов и обрядовой поэзии тувинцев, определение жанровой специфики и поэтических особенностей произведений обрядового фольклора.

Для достижения поставленной цели диссертантом определены следующие **задачи**:

- 1) выявить фонд традиционной тувинской обрядовой поэзии;
- 2) определить критерии разграничения традиционного обрядового фольклора;
- 3) провести систематизацию и классификацию материала по обрядовой поэзии;
- 4) рассмотреть композицию текстов традиционной обрядовой поэзии;
- 5) проанализировать жанры обрядовой поэзии и дать им определения;
- 6) исследовать роль и функции слова в обрядах;
- 7) охарактеризовать своеобразие поэтики обрядовых жанров.

Объектом исследования является обрядовая поэзия в комплексе с традиционными ритуалами.

Предметом исследования выступают жанры обрядовой поэзии, их поэтика, функции и роль поэтических текстов в обрядах тувинцев.

Методологическую основу составляют сравнительно-исторический, структурно-семантический, историко-типологический методы исследования.

Основные положения диссертационной работы основываются также на научной концепции, разработанной Главной редколлегией серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», ориентированной на комплексное междисциплинарное исследование обрядового фольклора с позиций фольклористики и этнографии.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды ученых по фольклору и этнографии: А.Н. Веселовского [1940], В.М. Гацака [1989, 1998], В.Е. Гусева [1967], В.М. Жирмунского [1960], Б.Н. Путилова [1976; 2000], В.Я. Проппа [1946;1969], Н.А. Алексеева [1980;1984;1992], Е. С. Новик [1984; 1995], А.К. Байбурина [1991; 1993], С.С. Бардахановой [1982; 1992], Р.А. Султангареевой [1994; 1998], М.Б. Кенин-Лопсана [1992; 1994; 1996], а также зарубежных ученых В. Тернера [1983], Х. Сампилдэндэва [1993], С. Дулама [1997] и др.

Источниковая база исследования. Исследование основано на опубликованных фольклорных произведениях и на архивных записях, хранящихся в Рукописном фонде Тувинского института гуманитарных исследований. Привлечены полевые материалы, собранные во время Комплексных фольклорно-этнографических экспедиций проведенных Сектором фольклора Института филологии ОИИФФ СО РАН и ТИГИ в 2001-2003 г. в Бай-Тайгинском и Тоджинском районах Тувы, в которых участвовал и диссертант. В диссертации привлекаются наиболее типичные, полные и высокохудожественные тексты произведений обрядовой поэзии. Общее число проанализированных образцов составляет около 300. Некоторые из них (154 примера) приведены в работе в качестве

иллюстративного материала. Следует отметить, что многие архивные материалы Рукописного фонда ТИГИ паспортизированы частично. В некоторых случаях отсутствуют место и год записи, отсутствуют данные об информаторах. Все примеры, взятые в качестве иллюстративного материала, переведены с тувинского на русский язык диссертантом.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что она является первой в тувинской фольклористике работой, посвященной системному изучению традиционной обрядовой поэзии тувинцев. В ней впервые специально исследованы жанры обрядового фольклора, выявлены их структура, функции в конкретных ритуальных действиях, а также лексико-стилистические особенности и художественно-выразительные средства поэтических текстов.

Теоретическая и практическая значимость работы. Основные результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке к изданию тома «Обрядовая поэзия и песни тувинцев» в многотомной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в теоретических исследованиях обрядового фольклора других сибирских народов, а также в разработке спецкурсов и семинаров по изучению устной народной поэзии в вузах Сибири. Материалы диссертации могут быть привлечены для сравнительно-сопоставительного анализа традиций устного народного творчества тюркоязычных народов.

Апробация диссертации. Основные положения диссертационного исследования были освещены в докладах автора на научных конференциях и семинарах: «70 лет тувинской письменности» (г. Кызыл, 2000 г.), «Урал-Алтай: через века в будущее» (г. Горно-Алтайск, 2003г., г. Уфа, 2005 г.), «Урал-Батыр» и мифология» (г. Уфа, 2003 г.), «Джангар» в евразийском пространстве» (г. Элиста, 2004 г.) «Народная культура Сибири» (г. Омск, 2003 г., 2004 г.), а также отражены в 10 научных публикациях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, включающих 8 параграфов, и заключения. В качестве приложения в работе

даны списки информаторов, использованной литературы, архивных источников, принятых сокращений.

Основное содержание работы

Во Введении обоснованы выбор темы, ее актуальность, состояние изученности, сформулированы цель и задачи диссертационной работы, обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая ее значимость.

Первая глава «Жанровый состав тувинского обрядового фольклора» посвящена описанию традиционных обрядов, систематизации и анализу произведений обрядовой поэзии, рассмотрению их специфики и жанровых признаков.

В § 1 «Традиционные обряды» рассмотрены обряды в системе этнической культуры в целом, а также религиозный синкретизм дошаманских верований, шаманизма и буддизма. Традиционные верования тувинцев обстоятельно изучены учеными-этнографами, религиоведами Л.П. Потаповым [1969], В.П. Дьяконовой [1976, 1977], Н.А. Алексеевым [1980, 1984, 1992], М.Б-Х. Кенин-Лопсаном [1992, 1994, 1996], Г.Н.Курбатским [1973], М.В. Монгуш [1992, 2001], О.М. Хомушку [1999]. Дошаманские, шаманистские и буддийские обряды, какими бы разными они ни были по своей сути и цели, их объединяет один существенный признак. В проведении любого ритуала, вербальный компонент занимает стержневую позицию. В дошаманских обрядах – заклинания-*чалбарыглар*, благопожелания-*йөрээлдер*, в шаманистских – *алгыштар*, в буддийских – *сутры*.

Диссертантом особо рассматриваются дошаманские верования, которые прослеживаются в культовых, промысловых, семейно-бытовых и календарных обрядах. **Культовые** обряды проводились с целью поклонения различным духам-хозяевам земли, лесов, рек и т.п. Они, в свою очередь, подразделяются на **коллективные** и **индивидуальные**. К коллективным

относятся обряды освящения объектов окружающей природы. Они называются общим словом *дагыыры* – «освящение». К ним относятся: освящение обо – *оваа дагыыры*, истока реки – *суг бажы дагыыры*, начала оросительного канала – *буга бажы дагыыры*, священного дерева – *тел-ыиш дагыыры*, домашнего очага – *от дагыыры*.

К индивидуальным обрядам относятся: ритуальное окропление – *чажыг чажары*, переправа через реку – *хем кежери*, выкапывание целебных растений – *эм-оьт казары*, моление духу-хозяину целебного источника – *аржаан ээзинге чалбарыыры*, моление духу-хозяину перевала – *арт ээзинге чалбарыыры*.

Выявлена общая схема проведения обрядов. Для совершения коллективных обрядов характерна следующая последовательность:

- 1) подготовка места моления;
- 2) подношение дара (угощения – жертвоприношения) духу-хозяину с помощью огня. Для этой цели разжигался жертвенный костер – *саң салыры*;
- 3) обращение одного человека – знатока обрядов к духу-хозяину с заклинанием от имени всего коллектива. Заклинание произносилось громко;
- 4) ритуальное окропление четырех сторон света – *чажыг чажары*;
- 5) троекратный обход участниками жертвенного костра.

Индивидуальные обряды обычно состоят из следующих действий:

- 1) подношения какого-либо дара в разных вариантах:
 - а) угощение духов-хозяев ритуальной пищей через огонь – *саң салыры*;
 - б) угощение духов-хозяев путем разбрызгивания, разбрасывания, подношения еды;
 - в) привязывание жертвенных ленточек – *чалама*;
 - г) окропление.

Исполнителем обряда эти виды даров могут подноситься полностью, либо частично, т.е. нет каких-либо строгих регламентаций.

2) обращение от своего имени к духу-хозяину с заклинанием. Заклинание произносится тихо или про себя, шепотом.

К семейно-бытовым обрядам относятся: свадебный (*куда*), обряды, проводимые при рождении ребенка (*уруг дою*), при закапывании плаценты (*уруг савазы шыгжаары*), при хранении пуповины (*уруг хини шыгжаары*), при первой стрижке волос у трехлетнего ребенка (*үш харлыында баш кыргыыры*).

Календарные обряды подразделяются на весенне-летние (кастрирование домашних животных – *мал актаары*; стрижка овец – *хой кыргыыры*; отел домашних животных – *мал төрүүрде*; переезд на весеннее и летнее стойбища – *чазаг болгаи чайлагже көжери*; встреча первого грома – *бир дугаар диңмирээшкин уткууру*) и осенне-зимние циклы (взбивание шерсти для войлока – *дук кагары*; катание войлока – *кидис кылыры*; праздник шерсти – *дук дою*; переезд на осеннее и зимнее стойбища – *кузег болгаи кыштагже көжери*). Основным вербальным компонентом в семейно-бытовых и календарных обрядах являются благопожелания – *йөрээлдер*.

В шаманских обрядах главным лицом является сам шаман, который считался посредником между миром людей и духов. При проведении обрядов он читает шаманские призывания – *алгыштар*, которые представляют собой импровизированные поэтические тексты, обращенные к различным духам-хозяевам местностей или к своим духам-помощникам, от которых ожидалась помощь или излечение от болезней. Исследователь тувинского шаманизма М. Б. Кенин-Лопсан выделяет в обрядовой практике шаманов два направления: культовые и лечебные - и перечисляет пять культовых обрядов, проводимых шаманами: *дээр дагыыры* – моление небу; *эрги чуртун дагыыры* – моление старой стоянке; *мал ыдыктаары* – камлание шамана по поводу освящения животных; *от дагыыры* – моление огню; *оваа дагыыры* – моление *оваа*. Обряды, отнесенные М.Б. Кенин-Лопсаном к культовым обрядам, изначально проводились не шаманами, а знатоками традиционных обрядов и были ритуалами культа огня, природы и т.д. Только

на поздней стадии развития шаманизма, главными исполнителями всех религиозных обрядов стали шаманы. Однако основной функцией шаманов все же было лечение больных, но они также активно участвовали в похоронных обрядах. Родственникам умершего они указывали место погребения и дату похорон. При поминках на седьмые и сорок девятые сутки, а также через год шаманы устраивали «встречу» с покойником.

С конца XVII-го века официальной религией тувинцев стал ламаизм школы Гелугпа («*сарыг шажын*» – «желтая вера»). Однако тувинцы после принятия буддизма не перестали совершать свои традиционные обряды, связанные с анимистическими представлениями. Многие культы сосуществовали с буддийскими. Часть традиционных ритуалов были без любых изменений включены в число буддийских обрядов и проводились представителями буддийского духовенства – *ламами*.

В настоящее время в религиозной обрядности тувинцев наблюдается синкретизм всех традиционных верований: дошаманских, шаманистских и буддийских. Специфической чертой, присущей в целом традиционной обрядности тувинцев, можно считать то, что любой религиозный обряд способен проводить человек, знающий обычаи и обряды своего народа, одаренный поэтическим даром, а также шаман (*хам*) либо буддийский монах (*лама*). Они могут даже вместе проводить один и тот же обряд. Однако используемый ими в обрядах вербальный компонент различался.

В § 2 «Классификация произведений обрядовой поэзии» выявляются основные критерии разграничения жанров обрядовой поэзии в системе тувинского фольклора. Проблема систематизации и классификации обрядовой поэзии тюркских народов Сибири является в фольклористике одной из важнейших и малоизученных. У тувинцев, как и у других народов Сибири (алтайцев, хакасов, якутов), терминология обрядовой поэзии многозначна. В народной терминологии произведения обрядовой поэзии, несмотря на разное содержание, объединены общим понятием *алгыш-йөрээл*, в значении «благословение, напутствие». «*Алгыш*» - исконное тюркское

слово (ср. *алгыш* – алт., *алгыс* – якут.), «*йөрээл*» - слово, заимствованное у монголоязычных народов (*юроол* – бурят., *ероол* – монг.). Как видим, народная терминология отражает суть только благопожеланий, тогда как тувинские заклинания (*чалбарыг*), восхваления (*мактал*) не соответствуют по смыслу и функциональной роли этому термину. В тувинской фольклористике проблему классификации благопожеланий рассматривал Ч.Ч. Куулар в учебном пособии на тувинском языке «*Тыва улустуң аас чогаалы*» (Тувинское устное творчество) [1976]. По его мнению, существуют следующие виды благопожеланий: благопожелания (*алгыш*), заклинания (*чалбарыг*), восхваления борцов и скакунов (*мактал*). Таким образом, названные жанры отнесены к видам благопожеланий. На основе ряда жанровых признаков, выявленных в процессе анализа, можно сказать, что *алгыш*, *чалбарыг* и *мактал* все же являются самостоятельными жанрами. В этом разделе диссертации дается обоснование этому утверждению. Кроме этих жанров, в тувинской обрядовой поэзии выделены также **скотоводческие заговоры** (заговоры, исполняемые при приучении матки животного к приплоду - *мал алзыры*; заговоры, посвященные атланту и поясничному позвонку домашних животных – *молдурук, хей-оорга алгаары*) и **проклятия** (*каргыш*). В данной работе для обозначения жанра благопожеланий использован термин «*йөрээл*», а для шаманских призываний – термин «*алгыш*».

Все названные жанры обрядовой поэзии объединяет ряд общих признаков: **глубокая вера в магию слова; исполнение во время обрядовых действий; свободная стихотворная форма; определенный набор стилизованных изобразительных средств.** Однако каждому из этих жанров свойственны специфические особенности, что дает основание отнести их к различным жанрам. Критериями в разграничении жанров служат **обрядовая функция, композиционная структура и адресная направленность.** Каждый жанр исследуется по этим трем основным признакам с привлечением конкретных примеров. На основе анализа всего имеющегося

материала было установлено, что в обрядовой поэзии тувинцев выделяются следующие пять самостоятельных жанров: заклинания (*чалбарыглар*), благопожелания (*йөрээлдер*), восхваления (*макталдар*), скотоводческие заговоры (*мал алзыры, хей-оорга, молдурук алгаары*), проклятия (*каргыштар*).

В § 3 «Жанровые признаки обрядовой поэзии» на основе конкретных примеров каждый жанр анализируется, исходя из выявленных и названных выше критериев.

Традиционные заклинания (*чалбарыглар*) находятся в тесной взаимосвязи с ранними культами и верованиями тувинцев. Они отражают веру древнего человека в духов-хозяев, чья сила и власть не подвергались сомнению. В мифологическом сознании предков духи-хозяева, если добиться от них благосклонности с помощью почитания и преклонения, представляли как единственные помощники и защитники. В противном случае они могли быть враждебно настроены. Поэтому в заклинаниях люди обращаются к разным духам-хозяевам (*ээ*), природным стихиям (грозе, грому) и т.д., полагая, что именно от их благосклонности зависит вся их дальнейшая жизнь и удача в любом деле. По композиции тексты заклинаний, независимо от их тематики, имеют одинаковую форму. Они состоят из трех смысловых блоков: **обращения/восхваления – описания угощения-жертвоприношения – просьбы к духам-хозяевам**. Они не имеют строгой последовательности: некоторые смысловые блоки могут меняться местами или вовсе отсутствовать. Обязательным же, устойчивым смысловым блоком для всех заклинаний является **изложение просьбы**. Следовательно, исходя из композиционной структуры заклинаний, их условно можно разделить на три группы:

1 – трехчастные заклинания, содержащие все три смысловых блока: обращение/восхваление – описание угощения-жертвоприношения – просьба к духам;

2 – двухчастные заклинания, которые содержат два блока из трех: просьбы к духам – описание угощения-жертвоприношения **или** обращение/восхваление – просьба к духам;

3 – одночастные заклинания, имеющие только один блок с просьбой, обращенной к высшим силам.

Благопожелания (*йөрээлдер*) являются одним из самых распространенных и любимых жанров тувинского народа. Разнообразна и богата их тематика. В них нашли отражение мировоззрение, нравственные принципы и идеалы, основы традиционной педагогики тувинцев. Благопожелания посвящаются непосредственно людям и содержат добрые пожелания благополучия, счастья, удачи.

В композиционной структуре благопожеланий, независимо от адресата, в отличие от заклинаний, имеется один смысловой блок – это изложение напутствия, пожелания счастья.

Восхваления (*макталдар*) адресуются борцам и скакунам, в них воспеваются их стать и достоинства. *Макталы* подразделяются на следующие группы: 1) призывание борца (*мөге кыйгырары*); 2) восхваление победившего борца (*шүүлген мөгеге мактал*); 3) восхваление победившего скакуна (*шүүлген аътка мактал*). По композиции *мактал*, независимо от того, кому он посвящается (борцу или скакуну), состоит только из одного семантического компонента – текста восхваления.

В русской фольклористике под заговорами понимаются словесные формульные тексты. В отличие от заговоров славянских народов, в фольклорных традициях многих тюрко-монгольских этносов (алтайцев, хакасов, бурят, монголов и др.) широко распространены скотоводческие заговоры, которые представляют собой только звуко-символические слова (термин Н.М. Кондратьевой). В устно-поэтическом творчестве тувинцев скотоводческие заговоры состоят из двух видов: 1) заговоры, исполняемые при обрядах приучения матки животного к приплоду – *мал алзыры*; 2) заговоры, посвященные атланту и последнему поясничному позвонку

домашних животных (*молдурук, хей-оорга алгаары*), которым тувинцы придавали магические свойства.

Приучение детенышей домашних животных к самкам, на наш взгляд, является одним из древнейших видов заговоров. Они, играя важную роль в животноводческой традиции, не имеют поэтического текста, а состоят только из звукосимволических слов, оказывающих успокаивающее воздействие на маток животных. Их исполняли преимущественно женщины в тех случаях, когда матка не подпускала своего детеныша к себе и отказывалась его кормить или, когда матка новорожденного погибала, и нужно было приучить оставшегося детеныша к другой особи, тем самым, спасая молодняк. В зависимости от породы домашних животных у тувинцев заговоры приучения матки животных к приплоду (*мал алзыры*) бывают нескольких видов и имеют свои названия: «приучение овцы к ягненку» (*хой алзыры*), «приучение козы к козленку» (*өшкү алзыры*), «приучение коровы к теленку» (*инек алзыры*), «приучение кобылицы к жеребенку» (*бе алзыры*), «приучение верблюдицы к верблюжонку» (*теве алзыры*). Однако выполняемые обрядовые действия были всегда одинаковыми независимо от породы домашнего животного, хотя звукосимволические слова были подражаниями издаваемым разными животными звуковым сигналам.

В обрядах, посвященных увеличению количества скота, главными вербальными компонентами являются заговоры, которые представляют собой поэтические тексты. По тувинским поверьям, животные имели *кут* – жизненную силу, душу. А забитая скотина могла увести за собой *кут* всего скота. У домашних животных она находилась в атланте и поясничном позвонке, поэтому было необходимо сохранить эти кости в целости – для содействия в дальнейшем «оживлении» животного. С этой целью после забивания домашнего скота и поедания мяса с названных костей проводились специальные обряды, способствующие призыванию *кут* животных.

Проклятия (*каргыштар*) являются бинарной оппозицией по отношению к благопожеланиям (*йөрээлдер*). Основная функция проклятий заключается в том, чтобы нанести вред проклиняемому, наслав на него всевозможные бедствия. Проведение обряда проклятий – *каргыш салыры* – имеет несколько разновидностей, которые называются по совершаемым действиям проклинателя: *довурак чажары* – «рассыпание песка», *куске хоорары* – «каление живой мыши», *кызыл-калдар ыт ханы чажары* – «разбрызгивание крови красно-мухортой собаки», *дукпүртүнери* – «сплевывание». Эти четыре способа являлись наиболее частыми магическими действиями, сопровождавшими произнесение проклятий. Нами записан редкий обряд проклятия, называемый *хой кежи сояры* – «снятие шкуры с живой овцы», который действительно во время произнесения текста должен был сопровождаться этим ритуалом. По композиционной структуре проклятия состоят из одного смыслового блока: компонента негативного пожелания.

Итак, произведения каждого жанра тувинского обрядового фольклора имеют своих адресатов и исполняются с конкретными целями.

В конце первой главы даются следующие определения жанрам, в основе которых за исходное взято исполнение с целью достижения желаемого результата. **Заклинания (*чалбарыглар*)** – поэтические тексты, обращенные к сверхъестественным существам с мольбой и просьбой о помощи. **Благопожелания (*йөрээлдер*)** – поэтические тексты, с пожеланием добра, наставлениями и советами на будущее с положительной семантикой, обращенные к конкретному человеку. **Восхваления борцов и скакунов (*макталдар*)** – поэтические тексты, прославляющие определенные достоинства, качества борцов и скакунов с целью вдохновить на победу или вознаградить за успех. **Приучение матки животных к приплоду (*мал алзыры*)** – это звуко-символические слова, исполняемые на мелодическом напеве, с целью успокоить матку домашнего животного, чтобы она приняла своего или чужого детеныша. **Заговоры, посвященные атланту и**

последнему поясничному позвонку домашних животных (молдурук, хей-оорга алгаары) – поэтические тексты, исполняемые для призывания души (кут) животных. **Проклятия (каргыштар)** – поэтические тексты, с негативными пожеланиями конкретному человеку, имеющие своей целью нанести ему вред.

Вторая глава «Место поэтического слова в обрядах» раскрывает специфику слова в ритуалах. В традиционной обрядности, в зависимости от функциональной направленности проводимых обрядов, за ними были закреплены определенные жанры обрядовой поэзии. Так, традиционным культовым обрядам соответствовали заклинания (*чалбарыглар*), семейно-бытовым и календарным – благопожелания (*йөрээлдер*), спортивным состязаниям – восхваления (*макталдар*).

§ 1 «Функциональная роль заклинаний» посвящен анализу вербальных компонентов традиционных культовых обрядов. В этом параграфе подробно рассматриваются коллективные и индивидуальные обряды, в состав которых обязательно входило произнесение заклинания. Отличительной чертой заклинаний в коллективных обрядах является то, что они произносились громко одним человеком от имени всего коллектива. Для его исполнения выбирали самого красноречивого и уважаемого человека, хорошо знающего традиции. Индивидуальные же заклинания произносятся тихо или шепотом, «про себя». В этом случае человек, совершающий определенный обряд, произносит заклинание только от своего имени. Если обряды охотника, рыбака, переправа через реку, ритуального окропления, при грозе и грома проводятся при большом количестве участников, то заклинания произносятся так же громко, как и в коллективных обрядах. Их исполнение поручают одному человеку от имени всех. Таким образом, эти обряды могут быть не только индивидуальными, но и коллективными. Во время выкапывания целебных растений, при обращении к духу-хозяину целебного источника и перевала заклинания каждый человек произносит только от своего имени, т.е. они сугубо индивидуальны.

В § 2 «Благопожелания в семейной и календарной обрядностях» рассматривается роль благопожеланий в ритуалах и праздниках. Являясь одним из оригинальных и доминирующих жанров тувинского устно-поэтического творчества, благопожелания пользуются широкой популярностью. Они придают семейно-бытовым и календарным обрядам торжественность и значимость совершаемого ритуала.

Взаимные контакты и географическое соседство тувинцев с другими тюрко-монгольскими народами способствовали порождению многих общностей в проведении обрядов, посвященных различным моментам жизни человеческого коллектива и отдельных его индивидов. Установлены типологические и генетические параллели обрядов и сопровождающей поэзии с другими тюрко-монгольскими народами (алтайцы, хакасы, якуты, буряты).

В § 3 «Восхваления в традиционных спортивных состязаниях» анализируется своеобразный поэтический жанр, бытующий из всех тюркских народов только у тувинцев. В тувинском обществе проведение любых коллективных праздников не обходилось без спортивных игр: борьбы – *хуреш* и конных скачек – *аът чарыжы*. Они были самыми распространенными и массовыми видами национальных состязаний. Восхваления являются одним из основных словесных компонентов, сопровождающих данные состязания. Анализируются тексты следующих групп: 1) призывание борца – *мөге кыйгырары*; 2) восхваление победившего борца – *шүүлген мөгени мактаары*; 3) восхваление победившего скакуна – *эрткен аътты мактаары*. Наличие восхвалений у тувинцев, на наш взгляд, обусловлено несомненным влиянием близкого соседства с монголоязычными народами (бурятами и монголами). Установлено, что по сравнению с восхвалениями (*соло*, *магтаал*) бурят и монголов, тувинские восхваления имеют меньший объем.

Рассмотренный в главе материал позволяет сделать следующие выводы: в процессе совершения традиционных тувинских обрядов важная

роль отводилась заклинаниям, благопожеланиям и восхвалениям. Они были неотъемлемой частью каждого проводимого обряда.

В третьей главе «Поэтика обрядовых жанров» рассматриваются лексико-стилистические особенности и художественно-изобразительные средства произведений традиционной обрядовой поэзии тувинцев, где каждое слово отшлифовано, семантически насыщено, функционально упорядочено и выразительно. Анализ текстов показывает, что жанрам обрядового фольклора свойственны типологически сходные языковые и стилистические приемы, направленные на достижение функциональных целей. Поэтому в главе рассматриваются наиболее характерные композиционные, языковые и поэтические тропы для произведений того или иного жанра, а также общефольклорные средства, используемые во всех произведениях обрядовой поэзии.

§ 1 «Лексико-стилистические особенности» свидетельствует о том, что каноническая структура текстов во всех обрядовых жанрах сохраняется. Однако в них отчетливо проявляется и вариативность – тексты могут быть краткими или расширенными, в зависимости от мастерства исполнителя. Заклинание имеет ярко выраженный просительный тон, так как человек устанавливает контакт с духом-хозяином и обращается к нему с определенной просьбой. Уничижительные самохарактеристики (*самдар чолдак хептиг мен* – «я в старой рваной одежде»; *аштадым, суксадым* – изголодавшийся) в текстах заклинаний сосуществуют с архаичной лексикой высокого стиля (*өршээңер* – «смилуйтесь»; *хайырлаңар* – «помилуйте»). В своих просьбах люди в основном использовали глаголы высокого стиля в форме 2-го лица множественного числа (*силер* – «вы»). Применение высокого стиля в заклинаниях тувинцев обусловлено мифологическими воззрениями народа: уважительным отношением к духу-хозяину и самой ситуацией прошения. Обращения, присутствующие в заклинаниях, по применению в тексте могут быть инициальными, медиальными и финальными.

Благопожелания, как и другие жанры обрядового фольклора, также отражают веру древнего человека в магию слова. При этом он чувствовал себя полноправным хозяином своего слова, способным с его помощью направить ход событий будущей жизни того, к кому оно обращено. В благопожеланиях, в отличие от заклинаний, используется нейтральная лексика, так как они обращены к конкретному человеку с добрыми пожеланиями на будущее. В благопожеланиях, в отличие от других жанров тувинской обрядовой поэзии, широко используются мудрые наставления, созвучные народным пословицам. В заклинаниях и благопожеланиях употребляются звукоподражательные междометия для образной передачи просьбы и пожелания.

Восхваления призваны обратить внимание зрителей на лучшие качества того, кого прославляют в данный момент. Поэтому они состоят только из хвалебных слов и перечня достоинств прославляемого. В них присутствуют имена представителей животного мира, не характерные для тувинской фауны, например: *Чаан* «Слон», *Арзылаң* «Лев». По-видимому, они заимствованы из индо-тибетской мифологии. Их наличие в восхвалениях свидетельствует о стремлении людей показать своих героев ловкими и сильными, подобно животным, птицам и зверям.

Лексика произведений обрядовой поэзии характеризуется употреблением архаичных слов, которые вышли из активного употребления (*эжген* «китайский император»; *албан* «подать, дань», *чавага* «накосное украшение» и др.). Они позволяют проследить определенные этапы исторического развития этноса, следы пройденных веков.

Употребление парных слов, свойственных именно народно-поэтической традиции, является характерным стилистическим приемом во всех обрядовых жанрах. Как правило, это устойчивые количественные и качественные характеристики, придающие образность и значимость совершаемому ритуалу. Они могут быть в форме существительных (*анай-хураган* – «козлята-ягнята»; *амыр-дыш* – «покой-спокойствие»),

прилагательных (*уран-шевер* – «искусный-умелый»; *омак-хөглүг* – «веселый-удалой») и глаголов (*үнер-кирер* – «выходить-заходить»; *ужар-турар* – «падать-вставать»). В большинстве случаев каждое из слов может использоваться самостоятельно (*идик-хеп* – «обувь-одежда»; *эзер-чүген* – «седло-узда»; *үнүш-дүжүт* – «растение-урожай»). Только в некоторых случаях один из компонентов парного сочетания как самостоятельная семантическая единица не употребляется: *ажы-төл* – «дети», *өг-бүле* – «семья» и др. По-видимому, смысл этих слов, значимый для парной конструкции, со временем был утрачен.

В поэтических текстах встречаются и образно-синонимические повторы. Они выполняют двоякую функцию. Во-первых, повторы выступают в качестве художественно-образительного приема; во-вторых, являются средством, облегчающим запоминание и воспроизведение устного текста. Для обрядовой поэзии тувинцев характерен также повтор одного и того же слова в конце стихотворной строки. Этот прием типичен для благопожеланий. Например, глагольная форма в желательном-повелительной форме *болзун* – «пусть сбудется, будет» часто завершает строку.

Каждое произведение обрядовой поэзии составляет сложное синтаксическое целое, объединенное одной общей темой, соответствующей функциональной направленности жанра. Поэтому в работе рассмотрено своеобразное употребление глаголов в стихотворных текстах разных жанров. В заклинаниях, главным образом, используются простые глаголы, имеющие семантику «прошения и дароподношения»: *чалбарыыр* «просить милости», *чажар* «окроплять», *тейлээр* «молиться», *өргүүр* «преподносить» и др. Здесь индивидуальная просьба выражается в предложении личным показателем сказуемого *мен* – «я». В охотничьих заклинаниях просьба определяется исходным падежом, который выражает просьбу отдать часть чего-то. В благопожеланиях в основном преобладают составные именные сказуемые: имя прилагательное + императивная форма глагола – (*болзун* – «пусть имеет», «пусть будет») в 3 лице ед. и мн. числа. Например, *малдыг болзун* –

«имеющими скот пусть будут»; *өнер болзун* – «многочисленными пусть будут». По содержанию составные именные сказуемые условно разделены на 5 тематических групп: «хозяйственная утварь»; «домашний скот»; «богатство и многодетность»; «еда-пища»; «физические качества человека». Именно такая тематика характерна для тувинских благопожеланий. Во всем этом, по народным представлениям, заключается счастье-благодать человека. Для восхвалений характерны экспрессивно-эмоциональные глаголы, усиливающие внимание зрителей: *Мөге шылады!* – «Борец устал [ждать]!»; *Чүгүрүк аътты көрүңер!* – «На скакуна посмотрите!»; *Мөгем содак-шудаа сыңышпайн тур!* – «Мой борец в одежду просто не помещается!», а также повелительные глаголы 2-го лица мн.числа: *Мөгениң онаан үндүрүңер!* – «На поединок борца выпускайте!»; *Улуг Чаанны үндүрүңер!* – «Великого Слона выпускайте!»

§ 2 «Художественно-изобразительные средства» представляет наиболее показательные поэтические тропы, такие как сравнение, эпитет, метафора, гипербола, иносказание. Особую роль в благопожеланиях и восхвалениях играет сравнение. Этот троп в их поэтике довольно устойчив. Многие сравнения практически стали формульными (*Хая дег эттиг болзун, хараган дег малдыг болзун!* – «Подобно скале, имущества пусть будет, подобно караганнику, скот пусть будет!»).

Сравнение усиливает эмоциональную окраску стиха, подчеркивает его главную мысль. Формообразующую роль в сравнениях играют союзы *дег* «как», *ышкаш* – «словно», *болган* – «подобно». Объект сравнения сопоставляется с конкретными явлениями окружающего мира, наиболее близкими и понятными слушателям. В благопожеланиях в качестве сравнения используются животный и растительный мир, эталонные имена буддийских божеств, сказочно-мифические названия гор, характерные для сказок и эпоса. При восхвалении борцов их уподобляют животным и птицам, которые в народном понимании олицетворяют силу и ловкость. Основной функцией сравнений в жанрах благопожеланий и восхвалений является

создание зримого восприятия слушателями чувственных образов. Кроме того, сравнения могут также указывать на количество, размер и форму. В заклинаниях, в отличие от благопожеланий и восхвалений, сравнения почти не встречаются. В народном понимании, по-видимому, считалось, что человеку сравнивать могущественных духов-хозяев с кем-либо или с чем-либо грозит опасностью. В заклинаниях из поэтических тропов активно используются иносказания и эпитеты.

Эпитеты можно считать самым характерным поэтико-стилевым признаком для всех жанров обрядового фольклора. В основном преобладают постоянные эпитеты (*алдын* «золотой», *мөңгүн* «серебряный», *авыралдыг* «благодатный» *хайыралыг* «милостивая» и т.д.). Разнообразные цветочные эпитеты, встречающиеся во всех жанрах (*ак* «белый» – в значении «священный», «чистый», *алдын* «золотой» – в значении «богатый», *кызыл* «красный» – в значении «красивый», «прекрасный» и т.д.) передают богатую цветовую гамму природных реалий и являются метафорическими. В восхвалениях масти коней характеризуются сложными эпитетами: *кара-хурен* «темно-коричневый», *кара-доруг* «темно-гнедой» и т.д. В этом же жанре часто с помощью метафорических эпитетов дается положительная характеристика борцам и скакунам (*тулган дыыжы кулактарлыг* – «с чуткими ушами»; *каң дуюгуг* – «со стальными копытами»). В жанре благопожеланий в большинстве случаев встречаются оценочные эпитеты (*чараш кежээ кыс* «красивая трудолюбивая дочь»; *алгыг чаагай чайлаг* «широкое, красивое летнее стойбище»). Если в героическом эпосе тувинцев эпитеты служат характеристикой достоинств главного героя (*эгинниг кижиги тутчуп шыдавас* «плечистый человек не сможет одолеть [его]»), то во многих благопожеланиях с помощью этого же эпитета адресату желают иметь подобные качества.

Прием гиперболизации наиболее характерен для восхвалений. Это связано с функциональной задачей самого жанра: красочно описать лучшие из достоинств борцов и скакунов. В этом жанре употребляются такие же

гиперболизированные характеристики, которые описывают богатыря и его коня в эпосе монголоязычных и тюркоязычных народов (*Дуктүг даванныга четтирбес, / Чүглүг кудуруктугга баитатпас* – «Шерститоногим [зверям] его не догнать, / Хвостатым пернатым не быть впереди его»). Применение гипербол в восхвалениях призвано идеализировать прославляемый объект, выявить наиболее характерные отличительные черты. Гиперболические формулы используются и в благопожеланиях, чтобы полнее выразить основные мысли доброго пожелания (*Азыраан малы / Аал сынмас болзун! / Эдилээн эди / Эгин ажыг болзун!* – Выращенный скот / Пусть не вмещается во дворе! / Нажитого добра / Выше плеч пусть будет!)

В народной поэзии метафора считается одним из наиболее продуктивных стилистических приемов. Однако в исследуемом материале можно отметить только метафорические олицетворения в заклинаниях, так как древний человек с его мировосприятием «оживотворял» весь окружающий мир. Например, к духу-хозяину минерального источника обращаются с заклинанием: «*Човулаңым чоттундуруп бер, аарым арылдырып бер*» – «Сотри мое мученье, очисти мою болезнь».

Для тувинской обрядовой поэзии характерно использование и такого излюбленного средства фольклорной изобразительности как иносказание. Оно широко представлено в охотничьих заклинаниях, где дается описательная характеристика зверей, их внешнего облика и повадок, поскольку у тувинцев название зверей было табуированным (*Сорар чаглыындан, / Чодур мыйыстыындан...* – «Имеющего жирное мясо, имеющего ветвистые рога...»). К иносказанию прибегают и в благопожеланиях, где оно становится емким изобразительным приемом, ярко проявляющим народно-поэтическую фантазию. Например, с помощью следующих иносказаний молодоженам желали быть хозяевами многочисленного скота и нажитого добра: *Хову кежер доозуннуг болзун! / Арт ажарда бараанныг болзун!* – Переходя степь, пусть пыль поднимают! / Переходя перевал, пусть вьюк имеют!

Рассмотрение поэтики обрядового фольклора позволяет сделать вывод о том, что язык анализируемых жанров богат и разнообразен по лексическому составу, а также по использованию различных средств художественной изобразительности. Каждый обрядовый жанр, имея свою прагматическую направленность, достаточно избирателен в отборе действенного, образного слова.

В Заключении диссертации подводятся общие итоги и формулируются основные выводы исследования.

Обрядовая поэзия, являясь одной из архаичных областей фольклора, представляет собой сложное многофункциональное явление в духовной культуре тувинцев. В работе определены основные критерии жанра, такие как, обрядовая функция, композиционная структура и адресная направленность. На основе этих признаков выделены самостоятельные жанры заклинания (*чалбарыглар*), благопожелания (*йөрээлдер*), восхваления (*макталдар*), скотоводческие заговоры (*мал алзыры; молдурук, хей-оорга алгаары*), проклятия (*каргыштар*). Детально рассмотрены роль и место произведений обрядовой поэзии в традиционных и в проводимых в наши дни ритуалах. Можно утверждать, что *чалбарыг, йөрээл* и *мактал* являются самыми распространенными жанрами обрядового фольклора у тувинцев. В процессе проведения многих традиционных обрядов словесным компонентам именно этих жанров отводилась главная роль. Установлено, что каждый поэтический жанр в ходе обрядов выполнял разные функции. Заклинания в составе культовых обрядов преследовали, как и обряд в целом, ту же ритуальную цель: поклонение духам-хозяевам местностей и испрашивание у них покровительства, благополучия. Во время обряда люди с помощью заклинаний устанавливали контакт с могущественными духами, излагали свои просьбы. Благопожелания выражали настроения и чувства всех участников, их отношение к проводимому ритуалу. Восхваления прославляли высоким поэтическим словом достоинства и качества борца;

поднимали его эмоциональный настрой и дух; воспевали победившего борца и скакуна.

Художественная изобразительность тувинской обрядовой поэзии базируется на целом ряде поэтических приемов устного народного творчества. В них широко используются такие общефольклорные поэтические тропы, как сравнение, эпитет, метафора, гипербола, иносказание. Анализ поэтики обрядовых жанров позволил сделать вывод о наиболее употребительных средствах для каждого из них.

В обрядовой поэзии тувинцев отчетливо прослеживаются генетические и культурно-исторические связи с фольклором тюркоязычных и монголоязычных этносов: алтайцев, хакасов, якутов, бурят, калмыков, монголов. У всех этих народов до сих пор широко бытуют архаичные жанры обрядового фольклора, которые имеют сходства и параллели. Их обрядовые и магические функции, композиционная структура текстов, поэтика во многом схожи. Совпадают и многие устойчивые формулы, и деление на тематические группы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Юша Ж.М. Тувинские благопожелания // Материалы научной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности. – Кызыл, 2000. – С. 18-20.
2. Юша (Чамзырын) Ж.М. О высоком стиле тувинского языка // Материалы региональной научной конференции. Абакан, 18-20 ноября 1999 г. – Абакан, 2001. – С. 28.
3. Юша Ж.М. Отражение архаичных верований в заклинаниях тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2002. – №3. – С.55-57.
4. Юша Ж.М. Классификация обрядовой поэзии тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2002. – № 4. – С. 69-73.

5. Юша Ж.М. Культ умирающего и воскресающего зверя в благопожеланиях тувинцев // Эпос «Урал-Батыр и мифология». Материалы Всероссийской научной конференции 27-28 мая 2003 г. – Уфа, 2003. – С. 87-89.

6. Юша Ж.М. Функциональная роль макталов в традиционных тувинских обрядах // Материалы XII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. - Омск, 2003. – С. 73-76.

7. Юша Ж.М. Лексико-стилистические особенности произведений тувинского обрядового фольклора // Материалы XIII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2004. – С.91 – 96.

8. Юша Ж.М. Поэтические тропы тувинского обрядового фольклора // Материалы Всероссийской научной конференции «Урал-Алтай: через века в будущее» 1-5 июня 2005 г. – Уфа, 2005. – С.344-347.

9. Юша Ж.М. Художественно-изобразительные средства обрядовой поэзии тувинцев // Материалы международной научной конференции «Джангар» в евразийском пространстве»/ 27сентября - 2 октября 2004 г. – Элиста, 2004. - С. 321-325.

10. Юша Ж.М. Функциональная роль заклинаний в культовых обрядах тувинцев // Материалы XIV научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 2005 (сдано в печать)